

работал в агентстве до начала Великой Отечественной войны, когда был «уволен в связи с призывом в Военно-морской флот». Концом войны он встретил инструктором Главного политического управления Военно-морского флота в звании майора²⁸.

С началом войны, в августе 1941 г., ЛА переместилось в структуру Всероссийского общества культурной связи с заграницей (ВОКС)²⁹, став еще одним отделом по печати и пропаганде. Примечательно, что в конце войны директором ЛА (тогда — «Литературно-музыкального агентства ВОКСа») был молодой, недавно демобилизовавшийся лингвист В. Ю. (М. И.) Розенцвейг, впоследствии известный переводчик.

Задача публикации архивных материалов не была вычеркнута из уставных документов, но в новом формате ЛА она стала никому не нужна. Публикациями архивных документов агентство более не занималось.

Опыт коммерческих документальных проектов 1930-х гг. обращает внимание на несколько дискуссионных проблем в контексте отечественной историографии 1930-х гг.: проблему приоритетов в развитии науки, проблему формирования правил использования архивных документов, проблему авторского права в археографии. Далеко не все из них решены в настоящее время.

Примечания

¹ Лопатин В. С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). М., 1997. С. 487–488.

² Чиркова Е. А. Предисловие // Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 / подгот. к изд. Е. А. Чирковой. М., 2017. С. 9.

³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 2273. Л. 1–6.

⁴ Там же. Ф. 8581. Оп. 3. Д. 220. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 2273. Л. 2–3.

⁷ Там же. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 1021. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 1014. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11 — 11 об.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Там же. Д. 1022. Л. 5–22.

¹⁴ Там же. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3381.

¹⁵ Paterson I. The Translation of Soviet Literature: John Rodker and PresLit // Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford, 2013. Pp. 197–198.

¹⁶ The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E. J. Bing. Ivor Nicholson and Watson Ltd. London, 1937. Десять переизданий с 1938 по 1995 гг.

¹⁷ The Secret Letters of the Last Tsar. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E. J. Bing. Longmans, Green and Co., New York, Toronto, 1938. Шесть переизданий с 1938 по 1974 гг.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1023. Л. 8–9.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Lettre d'amour de Catherine II a Potemkine / publ. par Georges Oudard. Paris : Caiman-Levy, 1934. И аналогичная публикация в журнале «Revue de Paris» за 1934 г.

²¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 16. Д. 35. Л. 18 об.

²² Там же. Л. 16.

²³ Эдельман Н. Я. Письма Екатерины II Г. А. Потемкину // Вопр. истории. 1989. № 7. С. 112 и далее.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 16. Д. 35. Л. 37.

²⁵ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе / пер. с фр. Л. В. Гладковой. М. : Энцикл. рос. деревень, 1996.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 110. Л. 4–5.

²⁷ Там же. Д. 112. Л. 8.

²⁸ Там же. Ф. 8581. Оп. 3. Д. 220. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 8287.

О. С. Иванова

Эволюция архивного принципа провениенции в западноевропейской и североамериканской историографии во второй половине XX — начале XXI века

Формулировка классического принципа провениенции связана с именами нидерландских архивистов Самюэля Мюллера, Джона Фейта и Роберта Фруина и их работой «Руководство по приведению в порядок и описанию архивов», изданной Нидерландской ассоциацией архивистов в 1898 г. Принцип был официально признан в качестве основополагающего на Международном конгрессе архивистов и библиотекарей в 1910 г. Целенаправленная популяризация «Руководства» в первой половине XX в. в конце концов сделала из него, по выражению Теодора Шелленберга, «библию современных архивистов». С другой стороны, данный принцип никогда не оставался неизменным. Он переосмысливался при переводах «Руководства» на другие языки, адаптации к региональным особенностям архивного дела и национальным школам архивоведения. Об эволюции

принципа говорят и сами нидерландские архивисты¹. В этом заключается профессиональный парадокс: одни исследователи говорят об излишней догматизации принципа, другие — о перманентной эволюции на протяжении XX в. и серьезной трансформации на рубеже веков². Последний подход представляется наиболее обоснованным, и его анализу посвящена данная статья.

В 1908 г. Самюэль Мюллер определил принцип провениенции как «архивное правило, согласно которому каждый документ включается в архивный фонд и в ту часть фонда, к которой он принадлежал во время деятельности организации»³. Он основывался на французском «уважении к фонду» и немецком регистратурпринципе, устанавливал органический порядок внутри фонда, но не настаивал на жестком подчинении порядка потребностям канцелярии.

Британский архивист Хиллари Дженкинсон уже в 1922 г. признавал неизменность принципа уважения к фонду и доминирования «фонда» в континентальной системе хранения. Однако предлагал свою трактовку и новое понятие «*архивная группа*» (archivesgroup). Это результат работы администрации, органическое, завершенное, «мертвое» целое. В отличие от «фонда», «архивная группа» не являлась автономной, но была связанной с комплексами документов других административных единиц. Оно рассматривалось как более сложная структура, делящаяся на более мелкие элементы. При этом не должна была нарушаться взаимосвязь документа с организацией-создателем и смежными организациями, подчеркивалась его органичность⁴.

Еще один этап в осмыслении принципа начался в 1950–1960-е гг. Немецкий архивист Адольф Бреннеке в 1953 г. предложил концепцию фонда как «*архивного тела*» (archivkörper). По его мнению, отдельные документы и дела представляют собой клетки живого тела, пульсирующие с одинаковой жизненной силой. В таком «архивном теле» все элементы имеют одинаковое происхождение. В нем проявляется не только фактическая связь или родственность документов, но и общность фактов и отношения к ним, реализуются воля, право, память организации или лица. К такому организму Бреннеке применил идею живого роста, вмешательство в который может привести к серьезной болезни или смерти. Структура фонда в его интерпретации направлена на отображение внутреннего характера, функций и целей учреждения. Основным внешним фактором, воздействующим на данный организм, Бреннеке считал потребности научных исследований⁵. В то же время французский архивист Роберт-Анри Ботье, справедливо отмечал, что принцип органичности наиболее характерен для тех стран, где схема систематизации закладывается на стадии оперативного управления.

В 1964 г. другой именитый немецкий архивист, Йоханнес Паприц⁶, сделал фундаментальный обзор богатой литературы по теории происхождения и различных ее интерпретаций, а также практических сложностей в ее применении. Он пришел к выводу, что стремления назвать, переименовать, изобрести, переосмыслить, определить и переопределить принцип можно классифицировать как серию субпринципов, каждый из которых имеет свое значение, применение и определение. Они, как правило, ссылаются только на часть или отдельный аспект концепции происхождения, определенные виды фондов или правила их построения. Его восточные коллеги Х. О. Мейснер и В. Лееш (1960) перечислили не менее четырнадцати таких принципов⁷, а в «Лексиконе архивной терминологии Эльсвира» (1964)⁸ их отмечено шесть. Таким образом, 1960-е гг. в западноевропейской историографии выступают и как период обобщения подходов к интерпретации принципа провениенции⁹.

Качественно новый этап переосмысления связан с развитием североамериканской архивной историографии. Теодор Шеленберг основополагающим звеном своей теории сделал понятие «*документной группы*» (recordgroup) как живого, иерархического документного комплекса, который создается административной единицей или единицами. Принцип провениенции используется здесь в первую очередь для комплектования и описания документов государственных органов, но, по мнению автора, может распространяться и на частные архивы. Шеленберг предложил пять шагов для внедрения принципа провениенции, как связи между живыми (неархивными) документами, в работу государственных органов и впоследствии его последовательного распространения на документы частных организаций и рукописи. Принцип провениенции рассматривался им также как ключ к эффективному описанию документов¹⁰.

В то же время австралийский архивист Питер Скотт в своей статье в 1966 г. предложил отойти от «recordgroup» как понятия, которое предусматривает обязательный административный контроль при хранении документов. И предложил использование *recordseries группы записей* как основной классификационной единицы для возможности их независимого физического размещения, не связанного с административным контекстом¹¹. Питер Скотт предлагал отойти от классических подходов англоязычного мира, определенных Дженкинсоном и Шеленбергом в сторону их сближения с классическим французским пониманием фонда. Таким образом, круг интерпретаций принципа замкнулся.

Нидерландский архивист Питер Хорсман считает что серьезная ревизия началась в 1970-е гг. с выхода в свет статьи французского архивиста Михаэля Дюшена, в которой давалась очередная интерпретация принципа. В 1983 г. эта статья была перепечатана в канадском журнале «Archivaria», что стало своеобразным реоткрытием принципа для канадских условий архивного хранения, а также триггером для его переосмысления в более широком контексте. По мнению Дюшена, понятие и принцип архивного фонда должны были применяться соответственно ситуации разнородности административных структур. Чтобы оценить документ, важно точно знать, где он был создан, в рамках какого процесса, с какой целью, для кого, когда, как был получен адресатом и как попал в наши руки. Такие знания возможны лишь в той степени, в которой документы, которые сопровождают их, сохранились в целостности и не были перемешаны с документами различного происхождения.

В вопросе фондового принципа Дюшен предложил выделить два основных подхода, две различные интеллектуальные позиции — максималистскую и минималистскую. Первая состоит в определении фонда как единства функций, сосредоточенных на верхней ступени государственного управления. В этом случае фонд рассматривается

как архив всех государственных учреждений и министерств (Государственный архивный фонд в странах Восточной Европы). Минималистская позиция состояла, по его мнению, в рассмотрении фонда на уровне наименьшей функциональной единицы. Был выделен и уровень «коллективной архивной группы» (*collective record group*), а также открытых и закрытых фондов¹². Таким образом, разрабатывалась определенная иерархия архивных фондов, которая базировалась фактически на одном и том же принципе взаимосвязанности: между документами и учреждением, между рядом учреждений и пр. По сути, это было продолжение серии интерпретаций и обобщений принципа, начатой в 1950-е гг. и базирующейся на исходных позитивистских основаниях XIX в.

Говорить о качественно новом подходе можно лишь, рассматривая архивоведческие публикации, созданные уже в рамках новой постмодернистской теории. В конце 1980-х — 1990-е гг. канадский архивист британского происхождения Хью Тейлор объявил о смене парадигмы в архивной сфере, предложив этой дисциплине переосмыслить свои теоретические основы и традиционные практики, чтобы выжить в этом новом контексте производства знаний. Необходимо было пересмотреть и важнейшую веху архивоведения — происхождение. Тейлор говорил о приоритете функций документов и их создателей, а также контекста, в котором происходит взаимодействие документов с ними¹³.

Его мысль продолжил канадский архивовед Терри Кук, который в своей статье в 1992 г. объявил начало *эпохи постхранения* (*post-custodialera*)¹⁴. Он призвал архивистов освободиться от ограничений «эпохи хранения» с упором на физическую систематизацию и обеспечение сохранности и принять новую реальность с ее концепцией логических связей и виртуальной реальности. Новый дискурс постхранения требовал нового научного языка и новой теории. Структура более не означала лишь организационную структуру. Контекст больше не означал только создателей документов, но также контекст их функций и действий¹⁵. Произошла контекстуализация не только комплексов документов, но и каждого документа как такового. Терри Кук рассматривал фонд как комплекс взаимоотношений между документами, документами и их создателями, документами и бизнес-процессами, документами и контекстом, в котором они были созданы. Фонд рассматривался как любой комплекс взаимоотношений, где документ является элементом идентификации (или неидентификации) взаимоотношений. Каждый документ в свете этого подхода может рассматриваться как часть одного или более взаимоотношений, а значит, одного или нескольких фондов. При этом Кук обращал внимание на непреодолимое противоречие между принципом провенанса и сохранением оригинального порядка, поскольку первое — это теоретический продукт, а второе — воплощение логического и физического порядка¹⁶.

Идея рассмотрения провенанса как множественности взаимоотношений документа с окружающим миром была продолжена в рамках канадской школы архивоведения профессором Университета Британской Колумбии в Ванкувере Лючианой Дюранти. Она представила концепцию архивных взаимосвязей и электронного фонда как совокупности множества взаимоотношений. Основной функцией принципа провенанса в ее подходе выступала возможность демонстрации и подтверждения надежности и подлинности документов. Самой серьезной задачей архивистов современного этапа она считала архивную связь между электронными и неэлектронными документами одной организации¹⁷.

В середине 1990-х гг. в канадской школе архивоведения возникла и концепция *социальной провенанса*. Том Несмит в своих «Мыслях о призраках архивной теории»¹⁸ отметил увеличение интереса архивистов к истории документов и архивов, а также то, что эти исторические знания могут повлиять на архивную теорию и практику. В частности, что документы и архивы имеют то, что можно назвать «социальным происхождением» (*social provenance*), поскольку создаются в процессе социальной коммуникации. Само архивирование состоит в основном из коммуникационных процессов, совместного создания документов, архивов и информации, которую они передают через коммуникативное взаимодействие с окружающим миром, помогая создавать реальность, а не просто документируя ее.

Этот подход был развит также Тревором Ливелтоном, который выделил четыре аспекта социальной провенанса: собственно «архивное происхождение» (организации и лица, которые создали или получили документ при ведении дел), «дипломатическое происхождение» (лица, которые являются авторами документов), «происхождение сохранности» (те, кто занимался хранением документов) и «трансмиссионное происхождение» (владельцы документов, от которых архив получил материалы). По его мнению, происхождение документа связано в значительной степени с тем, как он контекстуализирован. Если истоки документа взаимосвязаны с другими документами — его происхождение меняется. Если архивисты спорят и определяют происхождение документа — они формируют его. Они строят его из знаний, доступных им. Часто это означает, что архивы становятся важным компонентом осмысления, формирования и своеобразной «легализации» происхождения документов. Было предложено авторское понимание принципа: «Происхождение данного документа или комплекса документов состоит из социальных и технических процессов документирования, передачи, контекстуализации и интерпретации, которые составляют его существование, характеристики, продолжающуюся историю». Это определение подчеркивает интерпретирующий элемент в контекстуальности происхождения¹⁹.

Появление электронных систем хранения заставило теоретиков архивоведения задуматься о мультиинституциональном взаимодействии, мультифункциональных базах данных и информационных системах. Возникли более сложные концепции функциональной провениенции и мультипровениенции, которые развивались вместе с электронными системами и бизнес-процессами. Функциональная провениенция²⁰ акцентировалась на бизнес-функции, через которую создается документ. Хранение документов различных должностных лиц и различных уровней иерархии рассматривалось как отдельный процесс, независимый от бюрократической системы и технологий. *Мультипровениенция* обращала внимание на то, что документ может быть создан в результате взаимодействия большого количества субъектов. Эти подходы сделали возможным объединение цифровых, нецифровых, доцифровых материалов в соответствии с их интеллектуальным содержанием, а не физическими характеристиками²¹.

Кроме того, исследователи подчеркивали культурное значение принципа провениенции, артефактное содержание архивных структур и способов их построения. Документы и фонды, по их мнению, — это продукт функций и инструментов в определенный исторический период, на определенной территории с характерными ей культурными особенностями, которые находят отпечаток в документальном комплексе. Фонд также может рассматриваться в категориях «коллективной памяти», который сохраняет контекст²².

Провениенция как понятие начало обсуждаться в музейной сфере с 1970-х гг. Исследователи и музейные работники сосредоточились на важности изучения происхождения в музейном контексте. Под происхождением здесь понималась история и обстоятельства создания или владения объектом (место и время создания или обнаружения объекта, основные владельцы объекта, все места хранения и др.)²³. Эту точку зрения на происхождение предмета как на историю владения им разделяют также исследователи редких книг.

В последнее время концепция происхождения стала широко распространяться и использоваться во многих других дисциплинах (таких как право, библиотековедение, информатика и визуальная аналитика) и направлениях (облачных технологии, сохранение цифровых документов, открытые данные, наука о данных)²⁴, а также как принцип международной организации знаний²⁵. Несмотря на то что эти дисциплины имеют различные точки зрения на концепцию происхождения, среди них была определена общая черта — роль происхождения в определении достоверности документа. Особенно в связи с все большим использованием информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, с точки зрения современной постмодернистской теории, принцип происхож-

дения предполагает наличие нескольких акторов в процессе создания документа. Документ же создается в различных видах деятельности, в различные моменты, с различным содержанием. В этом контексте повторное открытие принципа происхождения признано и широко принято постмодернистским подходом в Канаде к концу 1980-х гг.

Понятие происхождения возникло в архивоведении в XIX в. и имело прагматическую цель — организовать комплекс документов, организационные отношения которых со своими создателями были разрушены в результате тематических классификаций. Тогда он применялся как принцип физической организации. Взгляд на происхождение как на статическую концепцию и теорию физической организации доминировал до второй половины XX в., когда информационно-коммуникационные технологии изменили способ создания и использования документов и возникла необходимость пересмотреть основной принцип организации архивных знаний, базируясь на новой философской концепции. Архивисты всего мира откликнулись на призыв переосмыслить происхождение как интеллектуальную конструкцию в рамках сначала информационного, а затем постмодернистского подходов.

Повторное открытие происхождения было достижением в первую очередь канадских архивистов. Новое понимание происхождения включает в себя создание документов в динамических и виртуальных системах, цифровом окружении, без жестких структур и с учетом множества происхождений. Эволюция происхождения создает сложные перспективы для архивной сферы в том смысле, что они должны столкнуться со всеми контекстами документов. Разные дисциплины с различными подходами строят свои собственные концепции с одной целью — определить происхождение документа в цифровом окружении.

Примечания

¹ Ketelaar E. Archival theory and the Dutch Manual // *Archivaria*. 1996. No. 41. P. 31–40.

² См., например: Белявский А., Свѣтъко К. Принцип провениенции — репрезентация или симуляция архивной теории? (неопубл.) ; Иванова В. Падручник нідэрландскіх архівістаў (1898 г.) і асновы сучаснага архівазнаўства // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 18. Мінск, 2017. С. 180–196.

³ Horsman P., Ketelaar E., Thomassen T. New Respect of the Old Order: the context of the Dutch Manual // *American Archivist*. Vol. 66. 2003. P. 259.

⁴ Jenkinson H. A Manual of the Archive Administration, including the Problems of War Archives and Archive Making. London, 1922. P. 83–85.

⁵ Brenneke A. Gestalten des Archivs Nachgelassene Schriften zur Archivwissenschaft Herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Dietmar Schenk. Hamburg : University Press, 2018. 269 p.

⁶ Papritz J. Archivwissenschaft. Marburg, 1976. 357 s.

⁷ Meissner H. O., Leesch W. Grundzüge einer deutschen Archivterminologie: Referentenentwurf des Ausschusses für deutsche Archivsprache. Berlin, 1955. S. 1–14.

- ⁸ Elsevier's Lexicon of Archive Terminology. Amsterdam, 1964. 83 p.
- ⁹ *Horsman P.* The Last Dance of the Phoenix, or The De-discovery of the Archival Fonds // *Archivaria*. 2002. No. 54. P. 1–23.
- ¹⁰ *Schellenberg T. R.* The Principle of Provenance and Modern Records in the United States // *The American Archivist*. 1965. Vol. 28, no. 1. P. 39–41 ; *Idem.* Modern Archives: Principles and Techniques. Chicago, 1956. P. 181–183.
- ¹¹ *Scott P.* The Record Group Concept: A Case for Abandonment // *American Archivist*. 1966. Vol. 29, no. 4. P. 493–504.
- ¹² *Duchemin M.* Le “respect des fonds” en archivistique: principes théoriques et problèmes pratiques // *La Gazette des archives*. 1977. № 97. P. 71–96 ; *Idem.* Theoretical Principles and Practical Problems of Respect des fonds in Archival Science // *Archivaria*. 1983. No. 16. P. 64–82.
- ¹³ *Taylor H.* Transformation in the Archives: Technological Adjustment or Paradigm Shift? // *Archivaria*. 1987–1988. No. 25. P. 12–28 ; *Idem.* Heritage Revisited: Documents as Artifacts in the Context of Museums and Material Culture // *Archivaria*. 1995. No. 40. P. 8–20.
- ¹⁴ *Cook T.* The Concept of the Archival Fonds in the Post-Custodial Era: Theory, Problems and Solutions // *Archivaria*. 1992. No. 35. P. 24–37.
- ¹⁵ *Upward F.* Structuring the records continuum — part one: postcustodial principles and properties // *Archives & Manuscripts*. 1996. No. 24 (2). P. 268–285, etc.
- ¹⁶ *Cook T.* Op. cit.
- ¹⁷ *Duranti L.* The Archival Bond // *Archives and Museum Informatics*. 1997. Vol. 11. P. 213–218.
- ¹⁸ *Nesmith T.* The concept of societal provenance and records of nineteenth-century Aboriginal-European relations in Western Canada: Implications for archival theory and practice // *Archival Science*. 2006. No. 6 (3). P. 351–360 ; *Idem.* Still Fuzzy, but More Accurate: Some Thoughts on the “Ghosts” of Archival Theory // *Archivaria*. 1999. No. 47. P. 136–150.
- ¹⁹ *Livelton T.* Archival Theory, Records, and the Public. Lanham, 1996. 177 p. ; *Piggott M.* Archives and Societal Provenance: Australian Essays. Oxford : Chandos Publishing, 2012. 358 p.
- ²⁰ Этот подход следует отличать от принципов функциональной, территориальной принадлежности (происхождения), существующих в архивоведении и международном праве. Принцип территориальности был сформулирован в 1815 г. французским архивистом Бертольдом Нибуром, который отмечал, что документы, созданные в данной области, используются для осуществления власти на этой территории. Эти принципы активно обсуждались в межвоенный период (Хиллари Дженкинсон), польскими архивистами во второй половине XX в. и по сей день (Андрей Стебельский, Андрей Томчак, Ежи Падральский, Вальдемар Хоранжичевский и др.). Зафиксированы в словарях архивной терминологии (*Lexicon of Archive Terminology*. Elsevier Publishing Company of Amsterdam, 1964. 83 p. ; *Walne P.* Dictionary of Archival Terminology: English and French with Equivalents in Dutch, German, Italian, Russian and Spanish. 2nd ed. München ; New York : K. G. Saur, 1988. 212 p.).
- ²¹ *Gilliland-Swetland A. J.* Enduring Paradigm. New Opportunities // *The Value of the Archival Perspective in the Digital Environment*. Washington, 2000. P. 12–14.
- ²² *Taylor H.* Op. cit.
- ²³ *White L.* Provenance of Museum Objects // *Encyclopedia of Library and Information Sciences*. 3rd ed. Boca Raton, 2015. 9 p.
- ²⁴ Provenance: Past, Present and Future in Interdisciplinary and Multidisciplinary Perspective // *Building Trust in Information*. 2016. P. 3–45.
- ²⁵ *Tognoli N., Guimarães J.* Provenance as a knowledge organization principle // *Knowledge Organization*. 2019. Vol. 46, no. 7. P. 558–568.

А. С. Прохоров

Становление и основные проблемы развития архивной системы Ярославской губернии в первые годы советской власти (1917–1925)

Одной из главных проблем, с которыми столкнулись молодые ярославские архивисты, было сохранение культурного наследия дореволюционной России. Основные направления, по которым разворачивалось ее решение, можно разделить на три основных категории:

- 1) охрана и спасение архивов в уездах;
- 2) та же деятельность в Ярославле;
- 3) создание новой, советской системы архивного дела.

В данной статье мы подробно рассмотрим последние два из них. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, эти два направления, как и история ярославского архивного дела в советское время, оставались не затронутыми в исследовательской литературе. Во-вторых, именно по ним сохранился гораздо больший объем документов.

Параллельно решался вопрос о сохранности архивного наследия Ярославской губернии до 1917 г. в губернском центре.

В связи с революционными событиями 1917–1918 гг. и мятежом в Ярославле 6–21 июля 1918 г. архивное дело в нашем городе практически не развивалось. Судя по сохранившимся докумен-

там, оно смогло вернуться на прежние рельсы лишь с конца января 1919 г. В это время дожила свой век существующая еще с дореволюционных времен Ярославская губернская ученая архивная комиссия во главе с Нилом Григорьевичем Первухиным. Он же спустя несколько месяцев стал первым «советским» архивистом, являясь уполномоченным Главного архивного управления Наркомата просвещения в Ярославской губернии. Слово «советский» намеренно взято в кавычки, так как ни он, ни его преемник не были коммунистическими архивистами в полном смысле слова в связи с их дореволюционным опытом и образованием. Их, на мой взгляд, можно охарактеризовать, скорее, как людей, сотрудничающих с новой властью.

Буквально с первых лет формирования ранняя советская архивная система в Ярославле столкнулась с такой проблемой, как расхищение архивных документов. Так, в начале 1919 г. они взяли на хранение частично расхищенные и сильно пострадавшие во время июльского мятежа 1918 г. коллекцию икон, чертежей, рукописей и рисунков, а также библиотеку бывшего город-